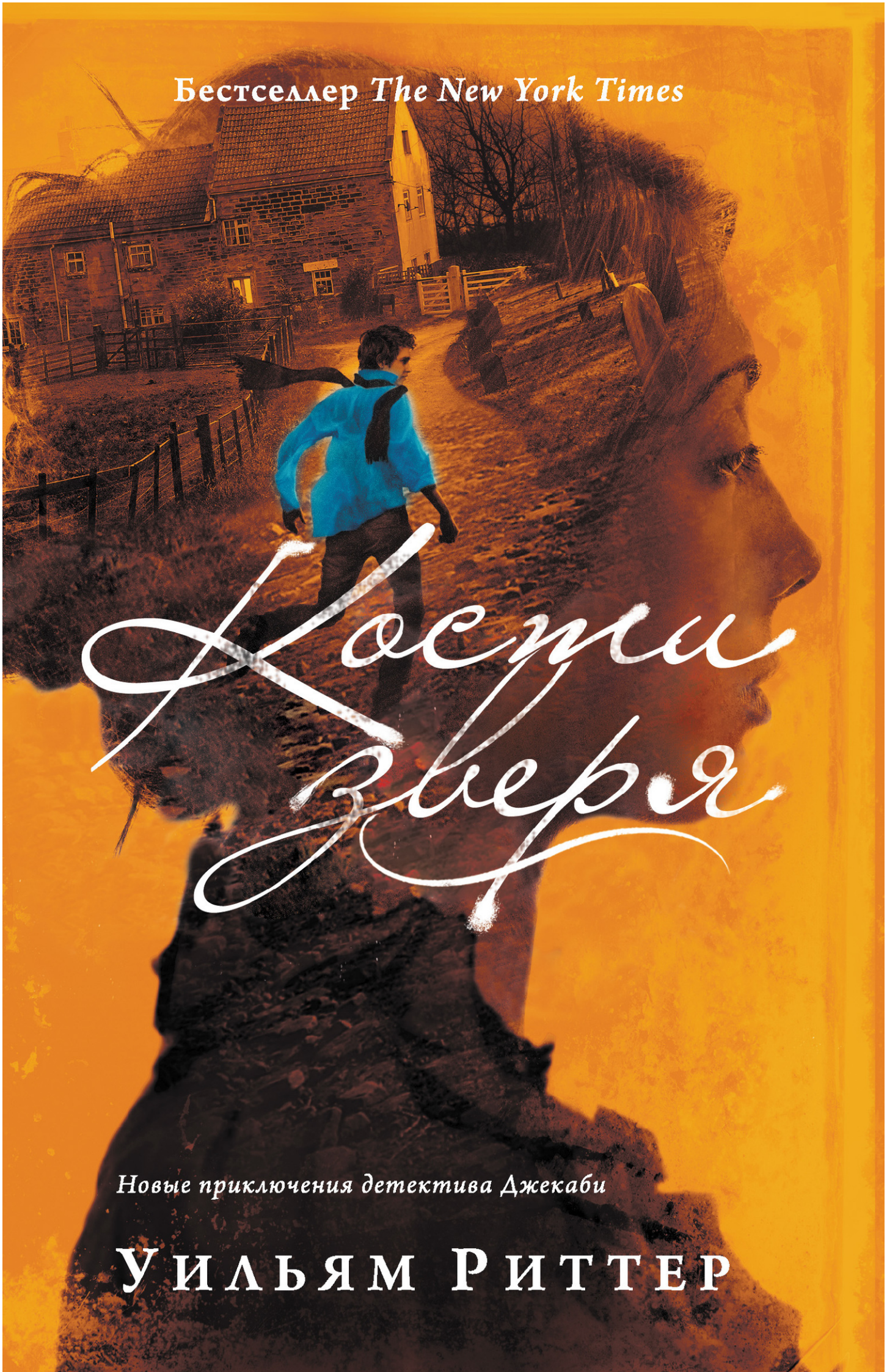
Бестселлер *The New York Times*



Кости зверя

Новые приключения детектива Джекаби

Уильям Риттер

#YoungDetective

Уильям Риттер

Кости зверя

«АСТ»

2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Сое)-44

Риттер У.

Кости зверя / У. Риттер — «АСТ», 2015 — (#YoungDetective)

ISBN 978-5-17-105704-6

В 1892 году в городке Нью-Фидлем, Новая Англия, многое в действительности является не тем, чем кажется на первый взгляд. В этот раз эксцентричному детективу Джекаби и его ассистентке Эбигейл Рук приходится расследовать сразу несколько сверхъестественных дел. Загадочная гибель женщины в соседнем с Нью-Фидлемом городке открывает череду пугающих событий: сначала в долине Гэд странным образом исчезают недавно обнаруженные кости гигантского зверя, затем очередное необъяснимое убийство происходит в Нью-Фидлеме, и, наконец, неизвестный хищник совершает жестокие нападения на животных и людей. Итак, детектив и его ассистентка открывают охоту на вора, убийцу и чудовище.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-105704-6

© Риттер У., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 10
Глава третья 15
Глава четвертая 17
Глава пятая 22
Глава шестая 24
Глава седьмая 27
Глава восьмая 30
Глава девятая 33
Глава десятая 35
Глава одиннадцатая 37
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Уильям Риттер
Кости зверя

Рассу, научившему меня, что дерево лучше знает, какую форму ему принять, и Элинор, которая всегда шла по своему пути, вымощенному словами.

First published in the United States under the title: BEASTLY BONES: A Jackaby Novel.
© 2015 by William Ritter
Interior design by jdrift design. Jacket art and design by jdrift design.
Jacket photos © Claire Sherwood (silhouette), Richard Watson (farmhouse), and Shutterstock (man's face).
Author Photo by Katrina Santoro
© О. Перфильев, перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Глава первая

– Следуйте моему примеру, мисс Рук, – сказал Джекаби, стуча в богато украшенную дверь дома 1206 по Кэмпбелл-стрит.

Будь мой работодатель обычным частным детективом, его приказание показалось бы вполне обыденным, даже банальным, но за то время, что успела поработать его ассистентом, я поняла, что назвать Джекаби обыкновенным уж никак нельзя. «Следовать его примеру» означало отказаться от привычных взглядов и согласиться с тем, что имеет довольно расплывчатое отношение к реальности.

Передо мной стоял высокий худощавый мужчина в длинном коричневом пальто, некогда дорогом и роскошном, но ныне изрядно поношенном, с бесчисленными карманами внутри и снаружи, в которых постоянно что-то звенело, бряцало и шуршало – по его собственным уверениям, все это были инструменты и вещицы, необходимые ему в работе. На шее у него красовался длинный шарф, концы которого подметали камни мостовой при ходьбе.

Но самый вызывающий предмет одежды возвышался поверх копны непослушных волос – шапочка Джекаби, это вязаное чудище, представлявшее собой хаотичное переплетение нитей самых неожиданных цветов. Эти оттенки совершенно не сочетались с цветом его шарфа, да и с пальто – тоже. Они даже не сочетались друг с другом. Эта шапочка казалась не подходящей ни к чему, даже когда висела на вешалке одна, сама по себе.

Впрочем, я бы не назвала Джекаби непривлекательным. Он старался регулярно бриться, и от него всегда пахло чем-то вроде клевера и корицы. В аккуратном костюме и при галстуке некоторым девушкам он, пожалуй, даже понравился бы, но в своей повседневной любимой одежде выглядел совершенно ненормальным. Как он не забывал мне напоминать, «внешность – это еще не все», но, на мой взгляд, она тоже играет немалую роль. Однако такой уж он был человек. Если мой шеф увлекался какой-то одной мыслью или идеей, все остальное переставало для него существовать.

В любом случае открывшая нам дверь женщина, казалось, была сильно поглощена своими собственными мыслями и заботами, чтобы обращать внимание на нелепые головные уборы. Мы переступили порог и оказались в элегантно обставленной гостиной, походившей на комнаты в величественных английских особняках, по которым меня в детстве водила мать. Отец мой был исследователем и естествоиспытателем – возможно, вам даже знакомо имя Дэниела Рука, – но мать превыше всего ставила традиции и приличные манеры. Не стесняясь пользоваться репутацией отца, она добывала себе приглашения на бесчисленные лондонские званые вечера, на которые брала меня с собой в надежде, что я проникнусь их атмосферой и захочу стать истинной леди. Но мне же от этого, напротив, еще сильнее хотелось сбежать из города, чтобы копаться в грязи, как отец.

В каком-то смысле в Новой Англии не было ничего нового. Пригласившая нас войти женщина прекрасно вписалась бы в социальный круг моей матери. Представившись как Флоренс Бомон, она предложила нам раздеться. Джекаби любезно отказался за нас обоих, что мне слегка не понравилось, поскольку царившая в доме жара представляла собой разительный контраст с холодным воздухом снаружи. Пришедшая в Нью-Фидлем весна 1892 года еще не успела прогнать из города зимние ветра.

Миссис Бомон подвела нас к небольшой нише у дальней стены комнаты, где на куче одеял лежал маленький розовый ошейник с колокольчиком, а рядом на кружевных салфеточках стояли две серебряные миски. В одной из них виднелось нечто вроде остатков тунца, а другая была наполнена водой, в которой посреди клочков кошачьей шерсти плавала рыба – очень крупная, длиной с посудину. Было заметно, что рыбе неудобно находиться в таком тесном пространстве.

Джекаби пригнулся, уперся руками в колени и внимательно присмотрелся, наблюдая за тем, как крутится рыба, и изучая ее движения. Затем он взял прилипший к краю миски мокрый клочок шерсти, понюхал его, попробовал на вкус и погрузил куда-то в глубины своего пальто.

Я вынула маленькую черную записную книжку, которую Джекаби подарил мне в честь завершения нашего первого дела, стараясь держать ее так, чтобы миссис Бомон не видела, что я до сих пор не заполнила и первую страницу.

– В вашей записке вы сообщали о больной кошке, верно? – обратилась я к ней, пока детектив водил пальцем по липким остаткам еды в другой миске. – Я уверена, мистер Джекаби захотел бы осмотреть животное.

Губы женщины задрожали.

– Миссис Н-н-непоседа…

– Да, и где же миссис Непоседа находится в настоящее время?

Миссис Бомон попыталась ответить, но у нее из горла вырвалось только сдавленное рыдание, которое я не смогла растолковать. Она показала на нишу.

Джекаби встал.

– Миссис Непоседа – это рыба, не так ли?

Женщина снова кивнула.

– Только с недавних пор, – добавила она, всхлипывая.

– Понятно, – сказал Джекаби.

Его банальный ответ, высказанный самым обычным тоном, казалось, прорвал какую-то плотину внутри женщины.

– Вы, должно быть, думаете, что я сошла с ума! Я не знала, к кому обратиться, но на моих вечерах иногда упоминалось ваше имя. Я принимаю гостей, знаете ли, очень известных лиц: на прошлой неделе, например, у меня пил чай мэр Спейд. Некоторые из них говорили о том, что вы профессионально занимаетесь делами, которые имеют… скажем так, *иной* характер.

– Мягко говоря, – вставила я.

– Приятно слышать, что я пользуюсь столь высокой репутацией, мадам, – сказал Джекаби, вновь обращая взор на большую рыбу в маленькой миске.

– Ах, я бы не назвала это репутацией, – добавила женщина. – Скорее, случайные упоминания в ходе беседы.

– Ну что ж, мило, мило. – Внимание Джекаби снова было поглощено предметом расследования.

Он опустился на четвереньки, разглядывая одеяла.

– Я всегда так заботилась о миссис Непоседе, – продолжала хозяйка. – Расчесывала ей шерстку, умывала, покупала самый дорогой кошачий корм. Иногда даже заказывала свежую рыбу в «Чандлерс-Маркет». Поначалу я думала, что ей немного нездоровится в силу ее… положения. Но потом у нее начала отрастать чешуя… и вот… – Миссис Бомон снова не сдержалась, голос ее дрогнул и перескочил на пару октав вверх.

– В силу ее положения? – спросила я, чтобы направить разговор в деловое русло. – Какого положения, миссис Бомон?

– Она была беременна, – ответил Джекаби вместо миссис Бомон.

Женщина кивнула.

– Как вы об этом узнали? – спросила я.

Джекаби откинул край одеяла, под которым спали очаровательные котята. То тут, то там сквозь их шерстку проглядывала чешуя. У самого маленького были жабры, опускавшиеся и поднимавшиеся в такт дыханию. Но, несмотря на это, котята были восхитительны.

– Верно ли я понял, что до недавних пор миссис Непоседа пользовалась большой свободой, гуляя по ночам? – спросил Джекаби.

Женщина часто заморгала, пытаясь прийти в себя.

– Да-да, верно. Обычно я оставляла окно открытым на ночь, потому что миссис Непоседе нравилось выпрыгивать в него, но под утро она всегда приходила домой. В прошлом месяце я решила, что лучше подержать ее дома, по крайней мере, пока она не разрешится от бремени. Да и снаружи был такой мороз. Я не хотела, чтобы бедняжка…

– Да-да, все это очень интересно, – прервал ее Джекаби. – Вы говорили о том, что иногда покупали для нее рыбу на рынке. Верно ли я предполагаю, что в последнее время вы чаще баловали ее такими кусками?

– Я просто хотела чем-то порадовать ее, раз она вынуждена сидеть дома…

– И сорт рыбы был всегда один и тот же?

– Ну… да. Макрель с рынка «Чандлерс-Маркет». Что-то не так?

– Напротив, миссис Бельмон…

– Бомон, – тихо поправила его женщина.

– Напротив, миссис Бомон, возможно, просто пустяк. Но не волнуйтесь, мы проследим за тем, чтобы о вашем животном позаботились должным образом.

– А котят вы тоже забираете? – всхлипнула хозяйка.

Глаза у нее округлились, губы задрожали. Джекаби вздохнул.

– Позвольте мне немного посовещаться с моей глубокоуважаемой коллегой. – Он жестом подозвал меня к себе, пока миссис Бомон заламывала руки.

Склонившись ко мне, он перешел на тот таинственный шепот, который неизбежно слышат все вокруг, даже не желая этого.

– Мисс Рук, по шкале от одного до граната, насколько, по вашему мнению, опасна данная ситуация?

– Опасна? – нерешительно переспросила я.

– Да, мисс Рук, – требовательно продолжил Джекаби. – По вашему *экспертному* мнению.

– По шкале от одного до граната? – Я, как он и велел, последовала его примеру, сверилась с записями в блокноте и заговорила тем же громким, отчетливым шепотом. – Э-э-э… желудь, пожалуй? Возможно, барсук. Только время покажет.

Мой начальник важно кивнул.

– Что? В чем дело? Вы их сможете… вылечить? – Миссис Бомон беспокойно мяла пальцами воротник, ожидая ответа Джекаби.

– Заражение, мадам. Вирусная инфекция, вне всяких сомнений. Вы много контактировали с вирусом, но не волнуйтесь, скорее всего, вы только носитель. Вряд ли у вас проявятся какие-либо симптомы. Сейчас главное – чтобы котята не распространили инфекцию по всей округе.

– Неужели все так плохо? – спросила она. – М-м-может, стоит сообщить в полицию или службу по надзору за животными?

– Как вам угодно, – задумчиво произнес Джекаби. – Но лучше будет, если мы просто заберем миссис Непоседу и ее потомство для исследования, не привлекая внимания. Я не эксперт в званых вечерах, но не думаю, что кто-то из ваших гостей обрадуется, узнав, что среди них есть разносчик экзотической вирусной чумы. Кстати, как поживает мэр Спейд?

Миссис Бомон всхлипнула. Ей потребовалось некоторое время, чтобы переварить слова детектива.

– Давайте я принесу вам миску побольше, – всхлипнула она. – Пусть миссис Непоседе будет хотя бы удобно.

Шмыгнув носом, она скрылась в недрах дома.

Одни девушки работают в магазинах или торгуют цветами. Другие выходят замуж и становятся домохозяйками. Я же помогаю безумному детективу расследовать необъяснимые явле-

ния – вроде рыбы, которая должна быть кошкой, но забыла, каково это. Меня зовут Эбигейл Рук, и именно этим я и занимаюсь.

Глава вторая

Спустя всего лишь несколько минут мы с моим шефом снова шагали по мостовой, на этот раз с коробкой загадочных животных из семейства кошачьих, но похожих на рыб, а также с хрустальной чашей для пунша, заполненной свежей водой, в которой плавала слегка поросшая шерстью макрель. Джекаби благородно вызвался нести котят.

Из узких переулков то и дело вырывался холодный ветер Новой Англии, не позволяя мне забыть о расползающемся на блузе мокром пятне в том месте, куда время от времени выплескивалась вода из чаши.

– Что за представление вы там устроили, сэр? – спросила я, стараясь держать чашу так, чтобы окончательно не промокнуть.

– Представление? – приподнял бровь Джекаби.

– От одного до граната. И что я эксперт, помните?

– Насколько я понимаю, вы действительно до некоторой степени эксперт, хотя и в довольно скучной области копания и изучения старых камней. В тот момент я счел это удобным для поддержания беседы.

– Палеонтология – это не геология. До нашего знакомства я изучала останки древних животных, а не горные породы, благодарю вас.

– Ах да, останки. Иными словами, кости, которые с течением времени минерализируются и превращаются… во что?

– В окаменелости.

– Ага. Окаменелости… камни… Звучит похоже, не находите?

– Ну хорошо, согласна. Не знаю, можно ли назвать меня экспертом после одной неудачной экспедиции, но все равно я бы предпочла, чтобы вы не ссылались на мою квалификацию для обмана старушек.

– Буду иметь это в виду в следующий раз, когда снова сочту это необходимым.

– Спасибо. Кстати, а разве не следует объявить карантин или что-то вроде того? – спросила я, оглядываясь на величественный старый дом.

– Это еще зачем? – спросил Джекаби, пощекотав выглянувший из коробки оранжевый нос котенка. – Ах, вы о чуме. Нет, никакой вирусной инфекции нет, беспокоиться не о чем. Я просто решил, что для бедной женщины такое объяснение прозвучит не так пугающе, как правда.

– И в чем же заключается правда?

– Проникающие плотоядные оборотни. Ой, смотрите: у этого прорезался пушистый спинной плавник. Привет, малыш!

Я остановилась как вкопанная. Вода выплеснулась из дальнего края чаши, макрель самозабвенно закружилась.

– Не могли бы вы повторить, сэр?

– О, не беспокойтесь, – ответил Джекаби. – Буду только рад все объяснить. Спинной плавник растет вдоль хребта. Просто наблюдая за…

– Не про плавник! Вы сказали «плотоядные оборотни»!

– Ах да! Соматическая мимикрия. Разве не восхитительно? Эти малыши – настоящие мастера биологического подражания. Они физически приспосабливаются к местному источнику пищи, проникают в свою жертву, паразитируют на ней, позволяя своему невольному хозяину обеспечивать их комфортной средой, защитой и дополнительными питательными веществами. А потом, завоевав доверие жертвы, пожирают ее. Похоже, миссис Непоседа любила перекусывать кошками, пока сама не оказалась на их месте.

– Но это же ужасно!

– Отнюдь нет. Такова природа. Кукушки – тоже агрессивные имитаторы, гнездовые паразиты, а ведь этих обманщиц увековечивают в искусно сделанных часах.

– М-м-м… допустим… – Я зашагала дальше, более внимательно присматриваясь к макрели, пока мы переходили улицу. – Тем не менее как-то тревожно думать о кошке, которая пожирала других кошек. Какой-то каннибализм получается…

– Это не каннибализм, это всего лишь мимикрия, Рук. И в ваших руках подтверждение того, что это была вовсе не кошка. Как только у нее появился новый регулярный источник пищи, ее организм адаптировался.

– Значит, эти… *существа* могут волшебным образом превращаться в тех, кого едят?

– Это не волшебство, Рук. Это наука. Способность некоторых животных приспосабливаться к окружающей среде хорошо изучена. Еще сам Аристотель писал о механизме приспособления осьминогов, которые самопроизвольно меняют цвет.

– Как хамелеоны?

– Совершенно верно. В данном случае биологический механизм, разумеется, сложнее, но он похож на тот, благодаря которому хамелеон меняет цвет кожи. Дарвин прозвал эти создания *хамелеоморфами*, ссылаясь на маленьких меняющих цвет ящериц. Название, конечно, не совсем подходящее, поскольку термин *«хамелеон»* не относится к адаптации, а обозначает в переводе с латыни «земляной лев», но такова уж традиция обозначения одного животного по названию другого.

– Не могу поверить. Чарльз Дарвин не открывал никаких оборотней. Он бы написал о них.

– Неужели? – Мы поднялись на холм Рыночной улицы, и Джекаби лукаво улыбнулся, когда мы начали спуск. – Не открывал и совсем ничего не писал?

В манере общения Джекаби проскользнуло нечто, вызвавшее у меня желание произвести на него впечатление. Возможно, виной тому послужило его явное высокомерие или же дело было в искренности, с какой он сейчас беседовал со мной без всякого снисхождения. Да, Джекаби временами говорил дерзко и даже оскорбительно, но еще больше меня раздражало, когда он обращался со мной как с ребенком. Мне так хотелось доказать ему, что я тоже что-то собой представляю, и сейчас он предоставил мне такую возможность. Я как раз собиралась произнести нечто очень умное в ответ на усмешку шефа или по меньшей мере внести существенный вклад в дальнейшее обсуждение – но, к сожалению, не всегда получается так, как нам бы хотелось.

Не успела я раскрыть рот, как мой каблук зацепился за обломок кирпичной кладки, и я неуклюже шлепнулась лицом вперед, облившись водой и запустив чашу с ее незадачливой обитательницей в полет по оживленной Рыночной улице.

Хрусталь каким-то чудом выдержал столкновение с камнем, и чаша поехала вниз, подскакивая на неровной мостовой, словно сбежавшие от хозяина санки. Улицы Нью-Фидлема никогда не бывают пусты, и с полдюжины зевак наблюдали за этим зрелищем, пока дорога не свернула в сторону и чаша не врезалась в поворот. Прохожие бросились врассыпную, когда хрустальная емкость взорвалась у них под ногами, осыпав магазинчик кожаных изделий острыми осколками, словно дорогой шрапнелью. Не успели последние куски упасть, как я уже была на ногах и гналась за беглянкой.

Перепуганная макрель забилась и покатилась дальше по влажным камням, пока не остановилась в половине квартала от меня, на краю ливневого стока. Бормоча под нос проклятья, я мысленно приказывала рыбе замереть и не шевелиться. «Разве я многого прошу? Неужели судьба не может позволить мне просто исправить ошибку, вместо того чтобы всякий раз превращать ее в тяжкое испытание?» Время, казалось, остановилось, когда чешуйчатая негодница подпрыгнула, описывая дугу над решеткой.

В тот самый момент, когда мой промах казался совершенно неисправимым, ко мне пришло спасение в виде широкоплечего, похожего на медведя человека. Его толстые пальцы с невероятной ловкостью схватили рыбу за хвост прямо в полете. Удерживая макрель в одной руке, другой он подхватил меня и помог мне остановиться. Когда я наконец твердо встала на ноги, мужчина рассмеялся глухим раскатистым смехом и хлопнул меня по плечу.

– Ага! Поймал! – Его губы растянулись в широкой улыбке, скрытой густой рыжеватой бородой.

– Улов дня, Хадсон, – раздался позади меня голос Джекаби.

– Да уж. Неплохая макрель, но еще не совсем взрослая. Придется вернуть ее! Ха-ха! – Мужчина снова громко рассмеялся и так энергично похлопал меня по спине, что я едва не упала. – Ну, раз уж, думаю, рыбы начали летать, то это точно твоих рук дело! Рад встрече, Р. Ф. А кстати, надо бы напоить эту приятельницу. Погодите-ка.

Широкоплечий бородач, продолжая сжимать извивающуюся рыбу, неуклюже зашагал обратно к магазину и протиснулся сквозь узкий проход. С моей блузки капала вода, под ногами хрустели осколки. Я повернулась к своему работодателю.

– Мистер Джекаби, я…

Он строго посмотрел на меня.

– Мне очень жаль, – сказала я.

Он не отводил от меня взгляда, брови слегка дернулись вверх.

– Мне очень, очень жаль.

Он вздохнул.

– Количество «очень» в ваших извинениях несущественно, мисс Рук. Скажите лучше, что вы видите, когда смотрите на эти создания?

Он протянул мне коробку, из которой высунулась маленькая мохнатая любопытная мордочка.

– Я вижу… котят.

– А хотите знать, что вижу я?

Я кивнула. Джекаби не был простым сыщиком. Он брался за дела, которые не распутал бы ни один обычный детектив, – дела, выходящие за рамки обыденности и граничащие с фантастикой. Он как никто другой умело распутывал различные невероятные и паранормальные случаи, и не только благодаря большой библиотеке по оккультизму и обширным знаниям в области неизведанного, но в первую очередь потому, что сам был невероятным, паранормальным. Там, где мы с вами лишь скользим взглядом по поверхности, Джекаби проникал в самую глубинную суть. Он называл себя «ясновидцем» – и вовсе не в том смысле, в каком так называют себя гадатели на картах Таро или шарлатаны с хрустальными шарами. Джекаби видел скрытую истину в каждом явлении и в каждом человеке.

– И что же вы видите? – спросила я.

– Я вижу ничем не ограниченный хаотический потенциал, они буквально пропитаны им. Он не обволакивает их, как обычная аура, он трещит и пузырится. Пока что они очаровательны, милы и послушны, но в них заложена способность к страшным разрушениям. Дарвин впервые обнаружил маленьких хамелеоморфов на острове Маврикий. Вы не найдете упоминания об этом открытии ни в одном школьном учебнике, но это так. На том же острове он обнаружил птиц, обитавших там, пока их что-то не истребило. Голландские моряки называли их *walghvogels*, то есть «отвратительные птицы». Согласно некоторым старым отчетам, включая секретный доклад самого Дарвина, эти существа пожирали себе подобных. Возможно, вы знаете их под более распространенным названием «додо».

– Думаете, кошек ожидает участь додо, если я ненароком позволю сбежать одному из этих хамелеоморфов?

– Сейчас они выглядят как кошки, но, как вы сами понимаете, завтра могут выглядеть как угодно. Моя точка зрения проста: появление иноземного хищника, особенно с таким огромным скрытым потенциалом, может иметь разрушительные последствия для местной экосистемы.

Большой бородатый мужчина вынырнул из лавки кожевенных изделий, чем и положил конец нашей дискуссии.

– Ну, Джекаби, теперь ты должен одному парню внутри швабру и ведро. Не переживайте, я как следует его прополоскал.

Он протянул мне помятое жестяное ведро; я шагнула вперед и благодарно приняла его. Внутри него крутилась рыба, вновь в тесноте, но в безопасности.

– Как к вам обращаться, барышня?

– Эбигейл Рук, сэр. Премного вам благодарна.

– Ух ты, англичанка! Смотри, Джекаби, как бы рядом с ней ненароком не перенять аристократические манеры. А я Хэнк Хадсон, мисс Рук.

Он протянул мне руку, и я пожала ее. Мужчина был облачен в плотный бурый плащ-пыльник с широкими лацканами, а в его башмаках впору было пересекать континент; пахло от него лошадьми и костром. Он походил на грубоватых, но симпатичных американских первопроходцев, о которых я читала в детстве, только Дэвид Крокетт на страницах моих журналов не выглядел таким человеком-горой.

– Мистер Хадсон – опытный зверолов и мой хороший знакомый, мисс Рук. Давно в Нью-Фидлеме, дружище?

Джекаби прижал коробку с котятами к бедру и протянул руку, но Хэнк быстро заключил его в объятья, от души похлопав по спине, пока мой начальник пытался не уронить коробку.

– Так, заехал ненадолго. Год провел на территории Оклахомы, торговал с индейцами чероки. Охота там неплоха, но у меня же хижина в долине Гэд, а за ней нужно приглядывать. Разгружу кое-какой товар – и сразу обратно. Рад, что мы с тобой встретились. Я выменял у торговцев хорошие травы, которые тебя могут заинтересовать. А кстати, я же еще раздобыл шаманское колесо чероки, можешь глянуть, если интересно. Будешь здесь вечером?

– Разумеется. Я до сих пор проживаю на Авгур-лейн. Помнишь, где мой дом?

– Да разве его забудешь?!

Мистер Хадсон подмигнул Джекаби, что заставило меня задуматься о том, до какой степени он знаком с подробностями странного обиталища на Авгур-лейн.

– Ну ладно, увидимся! Рад был познакомиться, барышня.

Он приставил руку к меховой шапке и потопал в противоположном направлении. Мы же с Джекаби продолжили свой путь к Авгур-лейн. Теперь я старалась внимательнее смотреть под ноги и держать ведро ровно. Я надеялась, что Джекаби расскажет, при каких обстоятельствах они познакомились со звероловом, но детектив молчал. По его непроницаемому лицу нельзя было догадаться, о чем он думает: то ли до сих пор сердится на меня за неуклюжесть, то ли ему, как обычно, просто недостает светского такта.

Лицо Джекаби вообще мало о чем говорило. Из-за его прямой манеры вести беседу я как-то позабыла о том, насколько плохо его знаю. Например, я обратила внимание на то, что мистер Хадсон обратился к нему по инициалам, хотя почти все остальные называли его просто Джекаби.

– А что означает Р. Ф.? – спросила я, когда мы пересекали деловой район неподалеку от Авгур-лейн.

Прежде чем ответить, он повернулся и несколько секунд просто смотрел на меня.

– По роду своих занятий я расследую различные загадочные и мистические дела, а это требует соблюдения особых, сверхъестественных, мер предосторожности.

– Вроде чеснока и лаванды, которые вы разложили вокруг своего дома?

– Это не лаванда, а ирландский белый вереск – но да, что-то вроде того, – ответил он. – Имя позволяет получить власть над человеком. Для последователей очень древних темных искусств имя, особенно произнесенное добровольно, равносильно струнам, за которые дергают марионетку. Я предпочитаю держать свое имя в тайне.

– Обещаю не превращать вас в злобную куклу, – сказала я. – К тому же я не имею ни малейшего представления о темных искусствах. Я даже карточные фокусы показывать не умею.

– Звучит обнадеживающе, но все же я останусь при своем мнении. Меня беспокоите не вы, мисс Рук, – добавил он, – но я не передумаю. Я не сказал своего полного имени даже Дженни, а ведь она не только более надежна, но и мертва.

Дженни Кавано была как раз одной из тех подробностей, делающих дом на Авгур-лейн необыкновенным и таинственным. Раньше этот дом принадлежал ей, и она осталась в нем после своей преждевременной и загадочной кончины. Мой работодатель не стал возражать, так что Дженни была просто еще одним обитателем этого жилища. Несмотря на свою мрачную историю, Дженни являлась самым приятным призраком, которого только можно встретить. Она быстро стала моей наперсницей, и в ней было гораздо меньше тайн, чем в моем загадочном начальнике.

– Можно я попробую угадать? – спросила я.

Джекаби закатил глаза.

– Вы можете делать все что вам угодно. На мое решение это никак не повлияет.

– Это… Ричард Фредерик?

– Нет, и я не собираюсь…

– Рассел Фрэнсис?

– Нет. Вы…

– Румпельштильцхен Финнеган?

Джекаби вздохнул.

– Да, мисс Рук. Румпельштильцхен, вы меня разгадали. Я проказливый чертенок из детских сказок.

– И это далеко не самое странное из того, что я узнала, работая с вами.

Глава третья

По возвращении в дом на Авгур-лейн Джекаби немедленно заперся один в лаборатории. Я хотела ему помочь с маленькими мохнатыми хамелеоморфами, но он просто отмахнулся от меня рукой и захлопнул дверь перед моим носом. Я прошла по извилистому коридору и уселась за рабочий стол в прихожей, решив приступить к своим повседневным обязанностям. Весь стол был завален помятыми квитанциями и папками с описанием прежних дел, и все это давно нужно было разобрать. Но время тянулось, а мой разум отказывался сосредоточиться на поставленной задаче.

Мне только недавно удалось убедить своего шефа в том, что я не хрупкая фарфоровая ваза, с которой нужно сдувать пылинки. Но и роль слона в посудной лавке мне тоже примерять не хотелось. Да, промах с рыбой зарекомендовал меня далеко не с лучшей стороны, но я могу доказать, что гожусь для практической работы. В этом я не сомневалась. Засунув очередную из давно позабытых квитанций в пыльный ящик у себя за спиной, я нахмурилась. Ничто так не раздражает, как ощущение бесполезности.

Это не значит, что я не понимала беспокойства своего начальника. Моя должность в качестве ассистента лучшего, а возможно, единственного, детектива в области сверхъестественного была восхитительна во многих отношениях, но я не могла отрицать и того, что она сопряжена с опасностями. Безумная лаборатория Джекаби выглядела так, будто в ней собирались создавать чудовище Франкенштейна, а в библиотеке по полу ползали угрожающие тени, едва не хватавшие меня за пятки, когда я подходила к разделу «Опасные документы». Полки вокруг меня украшали черепа экзотических животных и статуэтки чужеземных богов со злобными лицами. Даже безобидная на вид серо-зеленая лягушка в террариуме – Джекаби называл ее Огденом – имела дурную привычку испускать зловоние из глаз, когда чувствовала опасность. Жизнь рядом с моим шефом – это сплошная смесь из безумия и угроз, и все в стенах одного дома.

Первая же моя попытка принести практическую пользу, столкнувшая меня с кровожадным злодеем, едва меня не погубила. Я поступила в точности как неосмотрительная девица в одной из прочитанных мною книг: пропустила мимо ушей все предупреждения и устремилась прямо навстречу смертельной опасности. Неприятно осознавать, но если бы не вмешательство Джекаби, я бы наверняка погибла, да и не я одна.

– Все еще болит? – раздался позади нежный голос, возвращая меня к реальности.

В комнату вплыла Дженни Кавано; ее серебристые ноги парили над полом, прозрачные волосы струились за плечами. Я невольно подняла руку, чтобы дотронуться до шрама на груди, оставшегося на память о той роковой ночи, но тут же опустила ее.

– Нет, все хорошо. Просто задумалась.

– О хорошем или о плохом?

Плавно и изящно перелетев через комнату, она присела на краешек стола. Со времени моего приезда в Нью-Фидлем Дженни успела стать моей самой близкой и дорогой подругой. Несмотря на всю ее нематериальность, советы ее были здравыми и основательными.

– Сегодня я не справилась с заданием.

– Есть жертвы?

– Разве что хрустальная чаша. И жертвой едва не стала одна рыба, которая вовсе не рыба.

Дженни приподняла переливающуюся полупрозрачным цветом бровь.

– Это было дело Джекаби, – сказала я и опустила голову на заваленный бумагами стол.

– Ну что же, это более-менее объяснимо, – кивнула она. – Не переживай из-за Джекаби. Он успокоится. Этот человек много чего испортил и без твоей помощи.

– Я знаю. Дело не столько в Джекаби, сколько… – Я смахнула волосы с лица и откинулась на спинку стула. – Во всех. В тех, кто говорит, что я не справлюсь или что я не должна чем-

то заниматься. В моих родителях. И по большей части во мне самой. Странно, но я даже рада, что разочаровала Джекаби. Не говори ему об этом, но ведь приятно, когда кто-то ожидает от тебя чего-то большего. Хотя в таком случае сложнее избавиться от сожалений.

Дженни перевела взгляд на свою полупрозрачную руку.

– Я понимаю, – тихо произнесла она. – Приятно, когда к тебе относятся как к равной. Это одна из причин, почему я сказала «да» годы тому назад.

Узкое обручальное кольцо на ее пальце почти сливалось с серебристой призрачной кожей. У меня перехватило дыхание, когда она нежно коснулась металлической полоски. Дженни редко рассказывала о том, что было до ее смерти.

– Трудно поверить, но мне тоже есть о чем сожалеть, – сказала она, поднимая голову.

– Дженни, – прошептала я.

Тут ее лицо осветилось радостью, и она кротко улыбнулась.

– Отбрось эти мысли, Эбигейл. Оставь прошлое нам, призракам, и подумай о том, куда тебе двигаться дальше. Кроме того, пусть Джекаби и прекрасно разбирается в *сверхъестественном*, но он теряется, когда дело касается *обычного*. Если хочешь произвести на него впечатление, забудь о своих недостатках – подумай о его слабых местах. Например, что он сегодня упустил из виду?

Я пожала плечами.

– Дело было довольно простое – ну, то есть простое для него. На все ушло несколько минут. Он сразу же заметил существо и выводок его котят.

– Я думала, это была рыба.

– Рыбообразных котят… В общем, долго объяснять. Сама знаешь, обыкновенное животное Джекаби домой не понесет.

Я помолчала. В какой-то дальний уголок моего сознания прокралась робкая мысль.

– В отличие от миссис Бомон. Она была уверена, что у нее самая обыкновенная кошка.

– Хочешь произвести на меня впечатление, умница Эбигейл? – поддразнила меня Дженни.

– Не умница. Просто размышляю вслух. Джекаби сказал, что это редкий, нездешний вид. Откуда же тогда взялась миссис Непоседа?

– Ах, только посмотрите на нее! Такая умная и сосредоточенная, – мило улыбнулась Дженни. – Я уже начинаю верить, что вы с Джекаби сделаны из одного теста.

Не успела я ответить, как в парадную дверь трижды громко постучали, и я вдруг оказалась в комнате совершенно одна. Я тихо произнесла слова благодарности, обращаясь к месту, где только что находилась Дженни, и пошла принимать посетителя.

Глава четвертая

Пересекая комнату, я бросила взгляд в окно. На улице стоял крепкий на вид экипаж, запряженный двумя мускулистыми конями. В отличие от черных карет и двуколок, обычно разъезжающих по городу, эта деревянная повозка представляла собой нечто среднее между современной почтовой каретой и дилижансом из моих журналов про Дикий Запад. Среди серых зданий делового района она смотрелась совершенно неуместно, но выглядела восхитительно.

Неудивительно, что, когда я открыла дверь, меня поприветствовал Хэнк Хадсон, обладатель кустистой бороды и широкой улыбки.

– Мистер Хадсон! Рада снова вас видеть.

– Э-э-э… можно просто Хэнк, барышня.

– Проходите. Я сообщу Джекаби, что вы пришли.

Я повесила пыльник Хадсона у двери, постаравшись сделать вид, что не заметила за его поясом острого топорика с одной стороны и длинного охотничьего ножа с другой. По дороге сюда наш гость взял газету у мальчишки-разносчика и помахивал ею, пока я вела его по извилистой прихожей.

– Электрические фонари в Нью-Фидлеме! Кто бы поверил?! Всего лишь через год, если верить газетам. Этого парня, мэра, точно переизберут. Они уже установлены на Силем-сквер. Ха! А я еще помню, как тут проводили газовые линии.

Я кивнула.

– Комиссар Марлоу обещает еще протянуть телефонную связь с окружающими городами.

Хэнк покачал головой в изумлении и присвистнул.

– Куда катится мир?! И все же я до сих пор хожу по земле и вижу звезды над головой. Я рад, что долина Гэд немного отстала от времени. Я и сам, пожалуй, поотстал от него.

Мы дошли до конца коридора, и я вежливо постучала в дверь лаборатории.

– Хочу вас предостеречь, – прошептала я, – мистер Джекаби слегка не в духе…

Дверь распахнулась, и перед нами предстал сам Джекаби, держа в одной руке длинный прут с полурасплавленным металлическим кончиком. Очки в латунной оправе были сдвинуты на лоб, заставляя и без того непокорные волосы топорщиться в разные стороны. Улыбаясь во весь рот, он энергично развел руками, задев дверную раму кончиком прута.

– Хадсон! Ты как раз вовремя! Заходи, заходи.

В помещении царил обычный кавардак: заполненные жидкостями различных цветов мензурки и пробирки на стойках, булькающий медный котел с тянущимися из него во все стороны, словно лапы паука, трубками и странный аромат смеси земляники и серы. На всех доступных поверхностях валялись куски толстого стекла и полоски металла. Джекаби убрал одну стенку у прочного террариума и расширил его, добавив несколько новых стенок. В углу стояли помятое ведро и коробка, которые мы принесли утром. Судя по доносившемуся из коробки мяуканью, в ней до сих пор находились котята.

Джекаби пересек лабораторию и погасил пламя бунзеновской горелки, бросив прут рядом.

– Ты же собрал больше вольеров для животных, чем я, – обратился он к Хадсону. – Не поможешь мне сконструировать виварий покрупнее? Мне бы пригодилась еще пара рук для пайки.

Мистер Хадсон швырнул газету на стол и с радостью принялся осматривать свежие сварочные швы.

– Могли бы позвать меня, сэр, – сказала я. – В конце концов, я здесь, чтобы помогать вам, и гожусь не только для сортировки бумаг. Кстати говоря, я подумала о нашем последнем деле, и мне пришла в голову одна мысль…

– Ничего личного, мисс Рук. Просто нам с Хадсоном уже доводилось работать над кое-чем подобным в прошлом. Все мы специалисты в своей области, и его конек – это как раз содержание животных. Звери, на которых он охотится, по большей части живы.

Мистер Хадсон приподнял голову над стеклянным ящиком.

– Охотиться на мертвых было бы неспортивно, правда?

– Я полагаю, мистер Джекаби имеет в виду поиски окаменелостей, что, вообще-то, является довольно непростой задачей. Пусть добыча палеонтолога давным-давно утратила способность передвигаться, но она, как правило, имеет обыкновение разбрасывать свои фрагменты по всему ландшафту и застревать в твердой горной породе.

– Динозавры, да? Бьюсь об заклад, вот вы-то точно разволнуетесь, как барсук в улье, узнав об одной находке в долине.

– Что там нашли? Окаменелости? – спросила я.

Хадсон ткнул пальцем в газету на столе.

– Именно их. Долина Гэд. «Фермер обнаружил их, когда пахал склон». Это место находится всего в миле-двух от моей хижины. Хьюго Брисби – мой старый знакомый. Приличный хозяин, но дела у него идут как-то не очень, постоянно на грани разорения. Он-то и нашел эти кости и, поди, до сих пор с них глаз не спускает. Вот, поглядите сами.

Я пролистала газету и нашла нужную статью. Все было так, как и сказал зверолов. Статья, написанная некоей Нелли Фуллер, гласила:

> *Феноменальная находка и шокирующие события на ферме*
>
> *Долина Гэд славится прежде всего своим тихим сельским очарованием, но для одного из местных фермерских хозяйств прошлая неделя выдалась просто сенсационной. Смерть, кости динозавров и грабеж среди бела дня взволновали жителей этой спокойной местности.*
>
> *Первым потрясением в прошлую среду стала находка костей огромного доисторического животного. Их обнаружили в предгорьях за фермой семейства Брисби, и находка эта сразу же приковала к себе внимание как местных энтузиастов, так и международных экспертов.*
>
> *Но раскопки были омрачены печальными и неприятными событиями. Во-первых, вчера утром неподалеку от места раскопок была найдена мертвой Мадлен Брисби, 64 лет от роду. Она болела уже несколько недель, и предполагается, что женщина просто скончалась от перенапряжения. Подозревать кого-то в предумышленном убийстве оснований нет.*
>
> *Вслед за этой трагедией последовала еще одна неприятность. Не успел муж покойной, Хьюго Брисби, 67 лет от роду, отдать распоряжения о похоронах и вернуться домой, как обнаружилось, что с места раскопок пропал ценный артефакт. Расследование по делу об этой краже продолжается.*
>
> *Сразу же после находки Брисби вступил в переписку с известным американским палеонтологом Льюисом Лэмом, главой отдела геологических исследований Глэнвильского университета. Предполагается, что в течение недели Лэм должен прибыть на место раскопок и возглавить их.*
>
> *Одно можно утверждать наверняка: несмотря на трагедию и утрату, ферма Брисби в этом сезоне принесет своему хозяину не только обычный урожай моркови и капусты.*

– Джекаби! Прочтите! Мы обязательно должны это увидеть!

Джекаби с недовольным видом взял газету и быстро пробежал статью глазами.

– Хм. А вот это интересно.

– Не просто интересно. Потрясающе! То есть, конечно, жаль бедную женщину, но ведь это как раз дело для нас! Дерзкая кража, в ходе которой похищена бесценная научная реликвия! Как вы думаете, если мы найдем пропавшую кость, мне позволят помогать при раскопках?

– Это еще зачем? – Джекаби оторвал взор от страницы. – У вас уже есть работа, Рук. И я говорил вовсе не про динозавров. Вот, смотрите, не замечаете ничего любопытного?

На странице напротив статьи было опубликовано с дюжину заметок о местных происшествиях: вандализм, мелкие кражи, пропажи без вести.

– Не явился на работу профессор? – предположила я. – Возможно, это необычно, когда лекцию прогуливает преподаватель.

– Чепуха! «Кордовская обувь». Вот здесь, – он указал на статью всего из двух предложений.

В ней кратко говорилось о том, что некий неустановленный злоумышленник трижды за последнюю неделю вламывался в обувную лавку.

– Скажите, что вы пошутили, сэр! Тут написано, что сапожник не может даже подтвердить, украли ли у него что-нибудь. Да, случай странный, но это не повод для расследования.

– Вы хотели сказать «обувщик», – поправил меня Джекаби. – Сапожники только чинят обувь. А знаете, кто еще проникает в обувные лавки и ничего при этом не берет?

– Прошу вас, сэр. Только не говорите, что эльфы.

– Эльфы.

– Здесь не написано, что они сделали для него пару башмаков. Просто кто-то вломился в лавку, и все. Возможно, какой-нибудь бродяга в поисках ночлега. Не эльфы.

– А могли быть и эльфы.

– Могли быть и слоны! И, вообще, речь не о том. Скажите честно, сэр, часто ли вам предоставляется возможность посмотреть на настоящие кости динозавров?

Прислонившись к стойке, Хэнк наблюдал за нашей перепалкой.

– Я и в самом деле не понимаю, Рук, что такого интересного вы находите в старых костях.

– Вы сами назвали себя человеком науки. Палеонтология – это наука, да еще какая захватывающая! Должно же в вас пробудиться какое-то любопытство.

– Изучать с научной точки зрения можно все что угодно. Почвоведение, например, – тоже наука, но что-то мне не хочется копаться в грязи. Я предпочитаю посвятить свое время изучению насущных вопросов и подготовке к тому, что действительно может произойти. Какова вероятность того, что я за всю свою жизнь хоть раз столкнусь лицом к лицу с динозавром? Она ничтожно мала. А какова вероятность того, что какой-нибудь таинственный проказник вломится в обувную лавку сегодня ночью? – Он снова потряс газетой у меня перед лицом. – Почти стопроцентная.

Хэнк чистосердечно рассмеялся и хлопнул Джекаби по плечу.

– Ха-ха! Да ты ни капельки не изменился, дружище! Доставь барышне удовольствие. Что скажете, мисс Рук? Завтра я первым делом отправляюсь в Гэдстон. В городе у меня есть кое-какие дела, но потом могу встретить вас и проводить до фермы Брисби. Ну, то есть… если ваш сварливый начальник вас отпустит.

С этими словами он толкнул локтем в бок Джекаби, а тот закатил глаза. С каждой минутой Хэнк нравился мне все больше.

– Это не обсуждается, – сказал Джекаби. – В последний раз, когда я позволил своему ассистенту самостоятельно вести расследование, он вернулся в виде водоплавающей птицы. В этом доме мне требуется помощник, умеющий вести счета, иначе мне придется все делать самому.

– Ты бы все равно занялся этим делом, не будь ее здесь. – Хадсон снова подтолкнул Джекаби. – Глаз у тебя наметан, так посмотри на нее. Скажи по правде: разве она из тех, кто так легко отказывается от погони, когда след уже взят? Раз уж вцепилась в кусок, ни за что не отпустит. И это неплохое качество при твоей-то работе.

Несколько секунд шеф не сводил с меня глаз, и я едва подавила желание начать нервно переступать с ноги на ногу. Потом Джекаби глубоко вздохнул.

– Как бы то ни было, она еще не закончила переваривать предыдущие куски. Вы говорили, что вам в голову пришла какая-то мысль относительно нашего текущего дела, мисс Рук.

Я молча прокляла его склонность цепляться за неожиданные подробности.

– Да, но я уверена, что это пустяки.

– Разбирать бумаги у вас получается лучше, чем лгать, – приподнял бровь Джекаби.

– Просто я недавно поразмышляла и вспомнила, что мы не спросили, где миссис Бомон взяла свою кошку, – призналась я. – Может, это и дало бы что-нибудь, но… скорее всего, это так, ерунда.

– Или же, напротив, эти сведения дали бы делу новый поворот, – прищурился Джекаби. – В любом случае вопрос заслуживает рассмотрения. Завтра утром первым же делом зайдем к ней. Сожалею, мисс Рук, но мы действительно должны оградить Нью-Фидлем от крайне опасного хищника, прежде чем отправляться глазеть на какие-то окаменевшие кости.

Хэнк продолжал улыбаться, но в его глазах загорелся сосредоточенный огонек.

– Ты случайно ничего не забыл мне рассказать?

Джекаби повернулся к зверолову с лукавой улыбкой.

– Как думаешь, для кого мы строим загон?

Джекаби редко откровенничал с кем-либо о своих делах – вероятно, потому что окружающие, как правило, поднимали его на смех или презрительно отворачивались, когда он говорил то, что было у него на уме, – но он ничего не утаил, рассказывая о хамелеоморфах Хадсону. Глаза зверолова блестели от возбуждения.

– Погоди, так та макрель, которую я поймал для вас, была этим самым хаме… как его там? А с виду обычная рыбина. Ты точно не дурачишь меня? Ты же знаешь, как я люблю эти редкие диковинки.

– Хочешь посмотреть на ее котят? – спросил Джекаби.

– У рыбы *котята*?

В огромную ладонь Хэнка поместились сразу три пушистых комочка. С поразительной для него нежностью он погладил их за ушками и по меховым плавникам.

– Можно мне взять одного? – сейчас он напоминал малыша, выпрашивающего у родителей питомца. – Ты же знаешь меня, Джекаби, я хорошо о нем позабочусь.

– Боюсь, это исключено, – ответил Джекаби. – Как я уже объяснял мисс Рук, эти создания слишком опасны. Я бы предпочел решить их участь сам.

– Ты же не станешь убивать их, правда?

– Нет. По крайней мере, пока не собираюсь. Но если ты находишь мысль об убийстве котят такой отталкивающей, то имей в виду: эти существа сейчас приспособлены как раз для убийства кошек.

Хэнк осторожно опустил котят обратно в коробку.

– Ну что ж, не могу сказать, что не расстроился, но все равно спасибо, что дал посмотреть на них. Значит, нам потребуется клетка побольше.

– В такой форме они проживут в виварии недолго. В этом-то и смысл всей затеи. Мне хотелось бы устроить их как можно удобнее, но они будут представлять гораздо меньшую опасность, если сами станут меньше в размерах и если им предложить разнообразный рацион. Сейчас как раз начинают развиваться насекомые семейства геррид, и только в одном нашем пруду их будет более чем достаточно для прокорма рыбы и котят.

– Герриды? Это какие-то жучки?

– Насекомые, более известные под названием «водомерки».

– Так ты что, собираешься превратить этих миленьких котят в каких-то козявок?

– Это не котята, но да, собираюсь. В такой небольшой форме за ними будет легче присматривать и они смогут спокойно жить, не угрожая местной популяции кошачьих.

Хэнк кивнул со слегка грустным видом.

– Да, пожалуй, ты прав. Но все равно жалко. Я бы назвал своего Орешком.

Он в последний раз почесал котенка за ушками и повернулся к большому стеклянному террариуму. Я перехватила руку Джекаби, прежде чем мой начальник включил горелку, чтобы вновь заняться пайкой.

– Надеюсь, вы передумаете по поводу долины Гэд, – сказала я. – Знаете, из меня вышел бы неплохой палеонтолог.

– Не сомневаюсь. Но не глупите, мисс Рук. С тем же успехом вы могли бы утверждать, что из вас выйдет неплохая посудомойка или подметальщица улиц, – это не меняет того факта, что сейчас перед вами поставлена более актуальная задача. Вы нужны мне, мисс Рук. Мы заняты важным делом. Пусть вам и хочется как можно быстрее разделаться с ним, но, нравится вам или нет, вы затронули очень серьезную тему. Данные в области трансмутационной зоологии в лучшем случае отрывочны, но одно несомненно: хамелеоморфы встречаются редко, крайне редко. И то, что наши с миссис Непоседой пути пересеклись, со статистической точки зрения почти невероятно. Утром мы поговорим с миссис Бомон, – заявил Джекаби, – и на этом поставим точку.

Следующим утром мы действительно повидали мисс Бомон – в этом Джекаби оказался прав, – но никакой точки поставлено не было. Тогда никто из нас еще не знал, что мы находимся в самом начале более долгого и опасного пути.

Глава пятая

На следующее утро я рано встала, оделась и спустилась по винтовой лестнице. Джекаби уже чем-то занимался в своей лаборатории. Солнечные лучи, проникая через бесчисленные стеклянные пробирки и бутылочки, выставленные вдоль подоконника, освещали комнату теплым мерцающим светом. Котята беззаботно возились в своем новом вольере, не обращая никакого внимания на ограниченность пространства. Поверх своей обычной одежды Джекаби накинул кожаный фартук, в котором походил на кузнеца. В настоящий момент он изучал неровную поверхность толстого диска из янтарного стекла, по диаметру чуть больше обеденной тарелки. Стекло отбрасывало на лицо моего начальника золотистые волны.

– Доброе утро, сэр, – сказал я. – Хорошо спалось?

– Не совсем. Угощайтесь фруктами. На этой неделе апельсины.

Со звонким стуком он положил стеклянный диск на стол и махнул рукой в сторону котла. Этот котел благодаря каким-то неведомым чарам постоянно наполнялся едой – правда, почему-то исключительно фруктами и не всегда высшего качества, но тем не менее чудо оставалось чудом.

Я выбрала апельсин сверху и уселась, чтобы получше рассмотреть стекло на столе. С одной стороны край диска был слегка приподнят и походил на ручку.

– Я бы предложил вам сок, но недооценил эффективность катализирующего вещества, – сказал Джекаби.

– Э-э-э… простите?

– Наука за завтраком. Задействованная термохимическая реакция дала более мощный результат, чем предполагалось. – Он постучал по янтарному диску костяшками пальцев. – Дженни была не в восторге, когда увидела, что случилось с ее кувшином.

– А как вам удалось распла…

Тут во входную дверь неожиданно постучали, и Джекаби сдернул фартук.

– Кто бы это мог быть в такой ранний час? – спросил он, выходя в коридор.

Положив апельсин, я последовала за ним.

На крыльце стоял человек в синей форменной шинели – той самой, в какой я увидела его в первый раз, – но вместо двух серебряных полосок на лацканах теперь красовались серебряный орел и значок, свидетельствующий о том, что перед нами комиссар полиции Нью-Фидлема.

– Марлоу, – сказал Джекаби.

– Джекаби, – кивнул Марлоу.

– Доброе утро, комиссар, – поздоровалась я. – Неплохо выглядите. Как вам новое назначение?

– Я всего лишь *исполняющий обязанности* комиссара, мисс Рук, – вздохнул Марлоу. – И то громко сказано. Единственное, чем я занимался весь прошедший месяц, – это продирался через бюрократические препоны и спорил с политиками.

– Ну что ж, здесь у нас нет ни бюрократов, ни политиков, – уверила я его. – Джекаби предусмотрел защиту от подобных напастей. Соль и пучки свежего шалфея, по-моему. Не хотите зайти? Я поставлю чайник.

Комиссар покачал головой.

– Спасибо, но я здесь по полицейским делам.

– И что же это за дела, требующие личного визита *исполняющего обязанности* комиссара полиции Нью-Фидлема? – спросил Джекаби.

– Боюсь, весьма тревожные, касающиеся личной знакомой мэра. Насколько я понимаю, вы встречались с Флоренс Бомон?

– Так вот оно что, – поднял брови Джекаби. – Можете уверить женщину, что мисс Непоседа и ее котята в надежных руках. Более того, мы сами сообщим ей об этом, потому что собираемся снова посетить Кэмпбелл-стрит. Как выяснилось, нам еще есть о чем поговорить с миссис Бомон.

– Неужели? – проворчал Марлоу. Веки комиссара отяжелели, но, как я заметила, он не сводил пристального взгляда с моего начальника. – Тогда вам придется позвать медиума. Если только вы сами в ближайшее время не собираетесь общаться с мертвыми.

У меня перехватило дыхание.

– Вообще-то мне приходится заниматься этим довольно часто, – ответил Джекаби, совершенно не обращая внимания на истинный смысл слов Марлоу. – Например, сегодня целое утро я выслушивал упреки одной скончавшейся особы по поводу ее испорченной посуды. Но если вы имеете в виду спиритизм, то я никогда не утруждал себя подобной ерундой. Держаться за руки, смотреть на мерцающие свечи – все это чушь.

– Мистер Джекаби… – начала я.

– Хотя однажды мне сказали, что я выгляжу довольно эффектно в небрежно накинутом на голову тюрбане.

– Мистер Джекаби, – повторила я, – он хочет сказать, что миссис Бомон… – Я сглотнула.

– Мертва, – кивнул Марлоу.

Джекаби выпрямился и нахмурился. В его холодных глазах наконец-то отразилась мрачная озабоченность.

– Убийство?

Марлоу кивнул. Джекаби глубоко вздохнул.

– Понятно. И ваши источники, очевидно, доложили вам, что мы заходили к ней не ранее чем вчера. Предполагаю, я уже, как обычно, являюсь первым в вашем списке подозреваемых?

– Не льстите себе. Я бы с удовольствием выяснил, чем вы там занимались, но горничная сообщила, что видела женщину живой уже после того, как вы двое устроили переполох на Рыночной улице.

Я слегка поморщилась.

– Я здесь не для того, чтобы вас арестовывать. – Марлоу сделал глубокий вдох и закрыл глаза. – Я пришел обратиться к вам за помощью.

Джекаби приподнял бровь.

– И какова же причина смерти миссис Бомон?

– Я бы сказал, что *неестественная*, – ответил Марлоу.

Уголки губ моего работодателя слегка дернулись вверх. Марлоу закатил глаза и кивнул в сторону улицы.

– Поспешите. Возница ждет.

Он спустился с крыльца, не потрудившись уточнить, пойдем мы следом или нет.

Глава шестая

Наша поездка по утренним улицам была такой же холодной, как и тело, ожидавшее нас. Миссис Бомон лежала на спине на персидском ковре с витиеватым узором, у ножек плюшевого дивана. На первый взгляд могло показаться, что она спит. Я поймала себя на том, что не свожу глаз с ее груди в надежде увидеть, как та вздымается и опускается. Но секунда проходила за секундой, я почувствовала, как к горлу подступает комок, и мне пришлось отвернуться.

– Может, вам стоит подождать снаружи, юная леди? – спросил Марлоу.

Я покачала головой.

– Если вы привлекли к расследованию мистера Джекаби, то тем самым привлекли и меня, комиссар.

Я собралась с духом и открыла записную книжку, в которую начала заносить все увиденное. Марлоу перевел внимание на детектива, который уже склонился над телом.

– Первые впечатления?

Джекаби стоял над трупом, вытянув руки и словно прощупывая ими воздух.

– В этом доме побывало нечто… омерзительное.

Он отдернул руки с гримасой отвращения и потер ладони, стряхивая с пальцев какие-то невидимые частицы.

– Вы имеете в виду убийцу? – предположил Марлоу без всяких эмоций.

– Хуже, – сказал Джекаби.

Он подошел к голове женщины, склонился, вынул из кармана лупу, но, вместо того чтобы глядеть сквозь увеличительное стекло, его ручкой осторожно отвернул воротник на шее.

– Я все думал, через какое время вы это обнаружите. – Марлоу тоже подошел к телу и встал напротив Джекаби.

– Что скажете?

Я осмелилась шагнуть вперед и заглянуть через плечо шефа. На правой стороне шеи, чуть ниже челюсти, виднелось продолговатое пятно длиной с мой указательный палец – лиловый синяк, испещренный сиреневыми пятнышками. Внутри этого овала находился темно-красный кружок прокола размером с горошину.

– Любопытно, – сказал Джекаби. – Их должно быть два.

– Выходного отверстия нет, – сообщил Марлоу. – Это единственная отметина на теле. На типичное огнестрельное ранение не похоже, но я все равно приказал коронеру поискать пулю или ее фрагменты.

– Он их не найдет, – сказал Джекаби, не поднимая глаз. – Это не огнестрельное ранение, это колотая рана. Нападающий целился прямо в яремную вену. Причиной смерти наверняка является потеря крови. Отсутствие крови возле трупа и лопнувшие капилляры вокруг раны указывают на то, что кровь…

– Высосал вампир, – выпалила я.

Джекаби убрал лупу обратно в карман пальто.

– Слишком поспешно делать вывод, мисс Рук, но действительно, таково наиболее правдоподобное объяснение.

Марлоу заворчал и потер рукой переносицу.

– Вы не согласны? – спросил Джекаби, поднимаясь.

– Конечно же, нет. «Наиболее правдоподобным объяснением» было бы нападение психопата с шилом или ревнивого любовника с ножом для вскрытия писем…

Он глубоко вздохнул.

– Но правдоподобные объяснения ничего не объясняют, потому вы и здесь. Итак, таково ваше первое предположение? Вампир?

– Я не исключаю восточноевропейских стригоев или китайских цзян-ши. В конце концов, это страна иммигрантов. Существует бесчисленное множество демонов и существ, известных тем, что они высасывают кровь своих жертв, но вампиры определенно возглавляют их список.

Глаз комиссара слегка дернулся, и Марлоу снова вздохнул.

– Об этом не должна услышать ни одна душа за пределами этой комнаты. Я имею в виду, вы оба должны держаться подальше от прессы. Репортеры и без того продолжают преследовать меня, расспрашивая о подробностях нашего последнего дела, а уж когда они прознают о вампирах в Нью-Фидлеме, то у них будет настоящий праздник. Город еще не оправился и от одного сверхъестественного серийного убийцы. Что нам сейчас нужно меньше всего – так это посеять всеобщую панику.

– Значит, вы привезли нас сюда, чтобы заткнуть нам рот? – спросил Джекаби. – Вы же прекрасно знаете, что нельзя решить проблему, просто сказав, что ни во что не веришь.

Марлоу несколько секунд разглядывал лежащее на ковре тело.

– Ну да, знаю, – нехотя согласился он. – Еще месяц назад я не верил ни в редкапов, ни в вервольфов, но, по всей видимости, им наплевать, верю я или нет. Наверное, будет честно сказать, что сейчас я в какой-то степени готов признать существование таких чудовищ.

– Чарли не вервольф, – не удержалась я. – И он не чудовище.

Чарли Кейн был младшим полицейским, единственным среди всех представителей полиции, кто был готов выслушать нас во время расследования прошлого дела. Да, он обладал сверхъестественной способностью превращаться в огромную охотничью собаку, но во всех остальных отношениях его можно было назвать истинным джентльменом. Чарли пожертвовал своей тайной, чтобы защитить город – и меня – от настоящего чудовища, и какую же награду он заслужил? Изгнание из города.

– В этом вы правы. Он толковый полицейский, понимающий, насколько важно проявлять предусмотрительность. Потому он и попросил держать *вот это* в строжайшей тайне.

Марлоу вытащил из кармана тонкий конверт, на котором стоял псевдоним Чарли – «Ч. Баркер». Я сразу же узнала почерк и потянулась за конвертом, но Марлоу отдернул руку.

– В строжайшей тайне, – повторил он.

– Так точно, сэр, – уверила я его. – Ни одна живая душа за пределами этой комнаты…

Джекаби кивнул, и Марлоу передал мне тайный доклад.

– Мадлен Брисби… – прочитал Джекаби через мое плечо. – Откуда мне знакомо это имя?

– Боже правый! Это же та женщина из статьи, – сказала я. – Та самая, которая скончалась у раскопок! Но в статье говорилось, что оснований для подозрений нет. Она была больна…

– Не верьте ничему, что пишут в газетах. Ее нашли лежащей на камнях: возможно, она ударилась, упав с небольшой высоты. Хотя не было никаких переломов и крови – ничего, что могло бы послужить причиной смерти. Местный врач предположил, что смерть наступила в результате перенапряжения. А полицейский с ним не согласен.

– Насколько я предполагаю, местный полицейский – это Чарли?

– Браво, леди, – сказал Марлоу бесцветным тоном. – Наш парень и за городом не потерял нюх. Свои подозрения он старается держать при себе. Но к своему докладу он приложил набросок. Вот здесь, на второй странице.

Перевернув листок, я увидела карандашный рисунок, изображающий женскую голову и шею. Чуть ниже челюсти располагался заштрихованный овал с одним темным пятном внутри.

– Инспектор Белл сказал ему, что это ничего не значит, всего лишь вмятина от падения на камни, но Чарли считает иначе. Набросок пришел по почте вчера, поэтому вы можете представить мое изумление, когда этим утром мне принесли точно такой же отчет о миссис Бомон.

Я сложила письмо и передала его комиссару.

– В моем городе погибают люди, а я не могу сообщить их близким ничего, кроме каких-то сказок, – сказал Марлоу. – Мне нужно знать наверняка, с чем мы имеем дело. Здесь, в Нью-

Фидлеме, мои сотрудники постоянно начеку, но у инспектора Белла в долине не так много людей в распоряжении, а если бы у него и были еще сотрудники, то он не готов к такому и к тому же вряд ли поверил бы нам.

– Да, ничто так не разочаровывает, как твердолобый хранитель закона, – многозначительно произнес Джекаби, поглядывая на Марлоу, но тот предпочел пропустить это замечание мимо ушей.

– Чарли еще повезло, что его не узнали журналисты. Он и так уже рискнул больше, чем стоило. Что нам сейчас нужно – так это обстоятельный доклад осмотрительного человека, привыкшего действовать вне привычных, установленных законом границ.

– Какое удачное совпадение, – сказал Джекаби. – Я как раз подумываю написать нечто подобное на своих визитках. Так что, получается, вы отправляете нас на задание?

– Никакого задания я никому не даю и никого никуда не отправляю. Долина находится вне моей юрисдикции. Возможно, офицер Баркер еще этого не знает, но у меня такое ощущение, что ближе к полудню он вышлет вам официальный запрос о проведении консультации. Что касается Белла, то пусть он считает, что вы занимаетесь сопутствующей мелкой кражей. Этого будет достаточно, чтобы объяснить ваше появление на месте предполагаемого убийства. Кем бы ни оказался убийца, но начал он с долины Гэд, и если он оставил хотя бы один отпечаток ботинка, я хочу, чтобы вы его обнаружили.

Глава седьмая

Когда мрачная атмосфера места преступления осталась позади, я принялась обдумывать события сегодняшнего утра. При мысли о том, что по улицам города расхаживает второй кровожадный и бессердечный убийца, мое сердце забилось чаще, но я также не могла не признать, что передо мной открываются весьма многообещающие перспективы. Так или иначе, но мы все-таки попадем в долину. Пусть и под предлогом расследования кражи, но я получила долгожданную возможность посетить место раскопок, а тот факт, что я буду работать вместе с Чарльзом Баркером, придавал всему предприятию еще большую привлекательность.

Возница Марлоу высадил нас у дома Джекаби, и я немедля поспешила по дорожке к ярко-красной входной двери. Нужно было как можно быстрее собраться, и, конечно же, мне не терпелось поделиться новостями с Дженни. Я взлетела по лестнице к своей комнате, но не успела подняться на второй этаж, как мое внимание привлек тихий звук сверху, из-за которого у меня почему-то по спине пробежали мурашки. Я остановилась, чтобы прислушаться, и двинулась дальше по винтовой лестнице на цыпочках.

Дом Джекаби представлял собой разношерстную смесь различных архитектурных стилей и инженерных причуд с абстрактными дополнениями и загадочными диковинками. Моей самой любимой из них был пруд на третьем этаже. Простая деревянная платформа на вершине лестницы плавно переходила в пышную зеленую лужайку с цветками клевера. Никаких внутренних перегородок на этаже не было, и крышу над этим жизнерадостным уголком природы поддерживали лишь редкие колонны. Солнечный свет, проникающий через широкие окна со всех сторон, освещал золотом покрытые мхом шкафы и увитые плющом письменные столы. Узкая тропинка из половиц, извиваясь, прорезала зелень и заканчивалась почти у самого берега широкого пруда, водная гладь которого, покрытая легкой рябью, отражала призрачные волны на потолке. Пруд занимал почти весь этаж и казался шире и глубже, чем позволяли размеры дома; законы физики, похоже, сдались перед искусными мастерами, нанятыми Джекаби для перестройки. В таком легком отклонении от реальности было нечто немного пугающее и одновременно глубоко успокаивающее.

Начали уже цвести полевые цветы, и воздух был пропитан их густым ароматом, но вместе с тем чувствовался еще какой-то запах, который я не могла распознать. Едва я шагнула на дорожку, как сквозь платье проник холодок, от которого я поежилась. Что-то здесь было не так. Даже в самые морозные зимние дни третий этаж сам себе служил оранжереей, согревая тихий пруд и сочную растительность, и здесь всегда было теплее, чем на окружающих дом улицах Новой Англии. Однако сейчас руки покрылись гусиной кожей, изо рта вылетали облачка пара. Едва слышный звук, пролетевший над водной гладью, заставил меня поежиться еще сильнее, чем холод. Я услышала плач, но поначалу не поняла, кто это плакал: мужчина или женщина.

Я с трудом проглотила комок в горле и подумала о том, что стоит позвать Джекаби, но отогнала от себя эту мысль. Не звать же его на помощь всякий раз из-за каждого пустяка! Сойдя с дорожки, я двинулась вокруг пруда сквозь высокую влажную траву, щекотавшую мне ноги и заставлявшую еще сильнее содрогаться от холода. В этой части помещения с балок свисала густая завеса плюща, и, раздвинув ее, я вздрогнула от неожиданного резкого движения напротив меня.

Отлетев назад, я упала на ягодицы, а над моей головой пронесся шквал коричневого, зеленого и белого. Испуганный селезень, скрывавшийся в траве до тех пор, пока я на него чуть не наступила, теперь летел прочь, в другой конец здания, отчаянно хлопая крыльями над рябью пруда. У меня перехватило дыхание. Дуглас был главным обитателем пруда и ничего не боялся. Эта величественная водоплавающая птица некогда была человеком и ассистентом Джекаби, пока его не застали врасплох на одной страшной вылазке и он не пал жертвой про-

клятья. Джекаби счел, что это недостаточная причина, чтобы увольнять такого ценного сотрудника, поэтому Дуглас продолжил следить за архивами, прекрасно справляясь со своими обязанностями и в обличье утки. Но чего не умел делать мой пернатый коллега – так это плакать человеческим голосом, а плач не прекращался.

Обычно невозмутимый, Дуглас покидал пруд в такой панике, что я не на шутку забеспокоилась о том, что же могло его напугать. Собравшись с духом и поднявшись на ноги, я направилась дальше, осторожно отодвинув в сторону плотную завесу из плюща. Оказавшись внутри, я будто попала в ледник. Влажный воздух сгущался в плотный туман, а кусты на этом берегу пруда образовали густую тенистую поляну. Мне потребовалось мгновенье, чтобы разглядеть источник стонов и плача. Окутанная туманом, в самом сердце теней стенала Дженни Кавано.

Дженни всегда возникала в виде призрачной красавицы, обладательницы очаровательной улыбки и воздушной грациозности – само воплощение веселья и элегантности. Но мрачная фигура, представшая перед моими глазами сейчас, являла собой нечто совершенно иное. Она сидела в тени, сгорбившись, закрыв лицо руками, и рыдала. Расходившиеся волнами рыдания заставляли ее прозрачные плечи содрогаться – словно пар дрожал над кипящим котлом. Волосы ее свисали влажными, спутанными прядями, прилипая к аспидно-серым рукам, как водоросли к мокрой скале. Ветхое платье, порванное у воротника, больше напоминало грязные лохмотья.

Меня всю пронзил холод, и я замерла на месте. Тело Дженни то проявлялось, то вновь расплывалось в завихрениях тумана. От пристального вглядывания у меня разболелись глаза, словно я старалась рассмотреть подробности на нечеткой фотографии. Земля и листья за ней в такт ее содроганиям то пропадали из виду, то вновь появлялись, искажаясь и плавясь, как очертания горизонта в жаркий день. Воздух вокруг призрачной женщины клокотал, как в жерле вулкана, несмотря на жуткий холод.

Несколько долгих секунд я смотрела на нее не дыша, но потом воздух с шумом ворвался в мои легкие, и Дженни подняла голову. Ее лицо походило на мрачное отражение в темных неспокойных водах. Весь ее вид говорил о том, что она меня не узнала. Она поднялась и выпрямилась во весь рост; все ее тело дрожало от ярости, выражение печали и страдания на лице сменилось гримасой гнева. Глаза призрака, сверлившие меня из-под сердито нависших темных бровей, не имели ничего общего с дружелюбным и сочувственным взглядом знакомого мне привидения. Эти глаза горели каким-то диким, необузданным, нечеловеческим огнем.

– Вам нельзя здесь находиться, – произнесла она глубоким, приглушенным голосом.

Вокруг нее забурлили клубы тумана, и она, словно демон из преисподней, устремилась по полянке ко мне навстречу.

– Д-д-дженни, – пробормотала я едва слышно.

Она неслась напролом, как пушечное ядро, но в двух футах от меня в ее взгляде проскользнуло узнавание. Через мгновение на ее лице отразилось жалостливое смятение, а потом она просто исчезла. Импульс ее движения накрыл меня холодной волной тумана, но без его источника это была просто дымка. Не успев охватить меня со всех сторон, он тут же начал рассеиваться и растворяться во мху на полу.

Вернувшееся в оазис на третьем этаже тепло постепенно согревало меня. Я нетвердой походкой обошла пруд и остановилась на цветущей полянке. Ко мне подлетел Дуглас, и мы сели рядышком, поглядывая на гладь пруда.

– Это было неожиданно, – наконец сказала я.

Дуглас неопределенно помотал головой из стороны в сторону.

– Такое уже было? – спросила я. – С ней это часто случается?

Дуглас встопорщил перья и посмотрел на меня. Его глазки блестели, словно бусинки из черного дерева. Он был прекрасным слушателем, но, к сожалению, собеседник из него как птицы был никудышным.

Я вздохнула.

– Ну что ж. Мне это не нравится.

Теперь, когда охвативший меня страх немного утих, я почувствовала боль за подругу, которая испытывала такие мучения. Дженни всегда отличалась сдержанностью и уверенностью в себе, и она вовсе не походила на безумного злобного призрака.

– Нам нужно с ней поговорить, – решила я.

Дуглас склонил голову набок.

– Ты знаешь, о чем я. С ней должна поговорить *я*. Похоже, ей как никогда нужна подруга. Пойдешь со мной?

Маленький селезень с важным видом всплеснул крыльями и, пролетев над прудом к островку в центре, уселся на стоявшее среди кустов темно-лиловое кресло.

– Хватило бы и простого «нет», – сказала я, поднимаясь.

Сложно было винить утку в трусости. Перед моим мысленным взором вновь предстали холодные безумные глаза призрака, горящие неприкрытой ненавистью. Я помотала головой и отогнала от себя видение. Дженни не из таких одичалых фантомов. Она моя подруга, и я нужна ей, будь она девушкой или привидением.

Глава восьмая

Перед тем как спуститься с винтовой лестницы, я окинула взором полянку с полевыми цветами. «Даже самый незначительный жест может оказать величайшее влияние», – повторяла мне мать. Взяв фарфоровую вазу из шкафа у дальней стены, я принялась рассматривать цветы, стараясь вспомнить, какие из них больше всего нравятся Дженни. Их тут росло очень много, от обыкновенных маргариток до редких, экзотических видов. Дженни могла бы назвать по имени каждый цветок и каждую травинку. В спокойные дни она водила меня туда-сюда по склону, рассказывая, для чего годится то или иное растение и каково его символическое значение. Я смогла запомнить лишь пару невзрачных травок для зелий.

Я остановилась возле одного особенно высокого и изящного растения. Его длинный стебель с пучком свисающих листьев венчал широкий конус из ярко-белых цветочков. Они напомнили мне Дженни, такую же бледную, прекрасную и хрупкую. Сорвав несколько таких растений, я поставила их в вазу. Они смотрелись одиноко, поэтому я добавила несколько фиолетовых, похожих на звездочки цветков, свисавших с лиан в темном углу.

Я понесла вазу вниз по лестнице на второй этаж. Дверь в мою комнату слева была открыта, а в самой комнате до сих пор были разбросаны различные безделушки и разные вещицы, оставшиеся с тех пор, как это помещение служило Джекаби кладовкой. Комната Дженни находилась по другую сторону коридора. Подойдя к ее двери, я тихонько постучала.

– Дженни, это я, Эбигейл. Ты там?

Ответа не было. Я робко подергала за ручку, и дверь со скрипом приоткрылась.

– Дженни! Я принесла тебе цветы. Я просто хотела…

Дверь внезапно распахнулась внутрь, и я чуть не уронила вазу. В дверном проеме стояла Дженни, волосы ее струились изящными серебряными кудряшками, обрамляя нежные скулы. Платье выглядело безупречным, а лицо излучало радость и довольство, без всяких признаков гнева.

– Эбигейл, это мне? Какая же ты прелесть!

– Я… я просто… – поморгав, я продолжила: – У тебя… все в порядке?

– Конечно, дорогуша. У меня всегда все в порядке.

Я стояла в коридоре, испытывая нараставшую неловкость.

– Я просто… подумала, что тебе могут понравиться… вот эти цветы, – пробормотала я, – чтобы украсить прикроватный столик.

Дженни обернулась. Улыбка ее на мгновение дрогнула.

– Да, я понимаю, что тебе не нравится, когда в твою комнату заходят посторонние, – вспомнила я слишком поздно. – Вот, возьми, поставь сама.

Когда-то Дженни принадлежал весь этот дом. Ее, похоже, мало беспокоило то, что Джекаби занял каждый угол во всех остальных помещениях, но к своей спальне она относилась весьма ревностно. Зачем ей нужна своя спальня, я не понимала – насколько я знаю, она никогда не спала, – но тем не менее я никогда не ставила под сомнение ее привычки и не собиралась сомневаться в них сейчас. Стараясь не переступать порог, я протянула вазу.

– Увы, боюсь, я не смогу, – вздохнула она нежно, поднимая полупрозрачные руки. – У меня пропали перчатки.

С момента своей гибели Дженни могла взаимодействовать только с теми вещами, которые некогда принадлежали ей самой. Чтобы преодолеть это ограничение, она часто надевала пару своих старых кружевных перчаток, позволявших ей прикасаться к предметам материального мира. Она настолько редко показывалась без них, что я и забыла, насколько они ей необходимы.

– Неужели у тебя нет запасной пары? – спросила я.

– Есть, даже несколько. Но они пропали все.

– Джекаби?

– Предполагаю, что да. Но вы все утро отсутствовали, и у меня не было случая спросить его. Меня это чрезвычайно расстроило, но разве с этим человеком бывает иначе?

Она вздернула голову, показывая свое раздражение, но во всей ее манере держаться не было заметно ни следа прежней безумной ярости.

– Что ж, дорогая, тебе необязательно стоять в коридоре. Заходи, поставь букет на столик и поведай мне о ваших последних похождениях.

Дженни грациозно пропарила через всю комнату и отдернула занавески, впуская солнечный свет. Я неуверенно шагнула внутрь. В жизни на Авгур-лейн было столько всяких неожиданных событий и поворотов, что у девушки в любой момент мог случиться нервный срыв. Комната Дженни всегда оставалась идеально прибранной, кровать – аккуратно заправленной, а пол – отполированным до блеска. На широкий шкаф из розового дерева не осмеливалась сесть ни единая пылинка, хотя его содержимое оставалось нетронутым уже лет десять. Если бы Дженни не начала одалживать мне свою одежду с возрастающим энтузиазмом, весь ее гардероб ожидала бы скучная и незавидная участь.

Я поставила вазу на столик и поправила цветы.

– Асфодели и паслен сладко-горький, – раздался прямо у меня за плечом голос Дженни, когда я выпрямилась. – Любопытное сочетание. Конечно, ни в одном другом саду они не растут вместе: им требуется совершенно разный климат. Джекаби называет это каким-то впечатляющим термином. *Транстемпоральное сезонное произрастание* или что-то вроде того. Мне кажется, ему становится легче, когда он дает подобным случаям разные мудреные, якобы научные названия, хотя такие объяснения, по сути, ничего на самом деле не объясняют. Асфодели не растут так далеко на севере, они не принадлежат этим краям, – тут она задорно подмигнула мне. – Впрочем, как и я.

Я улыбнулась, ощущая, как спадает напряжение. Было приятно видеть, что к моей подруге вернулось былое присутствие духа.

– Белые цветы напомнили мне тебя, – сказала я. – А лиловые просто понравились.

– Хороший выбор для юной и подающей надежды исследовательницы. Паслен сладко-горький символизирует истину, что очень даже подходяще, на мой взгляд. Истина часто сладка и одновременно горька.

– А эти белые что обозначают?

– Асфодели? – Дженни протянула тонкий палец к склонившему голову белому соцветию и отдернула, прежде чем он прошел через цветок. – Ах, не стоит забивать себе голову всякой ерундой. Вряд ли ты захочешь выслушивать мои скучные рассуждения о цветах. Расскажи лучше о своих приключениях, Эбигейл. Вы расследуете какой-нибудь новый дьявольский случай?

– Да. Кости, трупы и все такое. Завтра отправляемся в долину Гэд.

– Это не там несет службу твой симпатичный молодой полицейский? Напомни, как его зовут?

Щеки у меня покраснели, отчего Дженни проказливо улыбнулась.

– Я бы не сказала, что Чарли *мой*. Но да, он тоже принимает участие в расследовании. Не думаю, что в мире хватит цветов, чтобы воплотить эти бесплодные романтические грезы в реальность.

– Тебе не нужны цветы, дорогуша. Тебе нужна уверенность в себе. В следующий раз, когда ты с ним увидишься, подойди прямо к нему и поцелуй его в красивую щечку.

– Дженни!

– Удача сопутствует смелым, Эбигейл!

– Ну, это вряд ли. В прошлый раз, когда я проявила смелость, он едва не погиб, а потом ему пришлось сменить фамилию и отправиться за сотню миль. Не слишком удачное начало отношений.

– Вот глупышка. Напротив, лучше и не придумаешь. Он ведь рисковал своей жизнью ради тебя.

– Все равно вряд ли что-то у нас получится. Тем более что я уезжаю не в романтическое путешествие, а по гораздо более серьезному делу. Мне предстоит расследовать убийство и найти убийцу.

– Ну а после великой битвы можно будет и поцеловаться, – улыбнулась Дженни, несмотря на мои протесты, и тут же мечтательно посмотрела в окно. – Мой жених тоже однажды дрался из-за меня. Ему пришлось несладко, бедняжке: из него еще тот боец. Ну и вид у него был после драки: в каждой ноздре по марлевому тампону, один глаз весь заплыл – но все равно это было очень мило и глупо. Я ему столько всего наговорила… прежде чем *поцеловала его*. – Она обернулась и многозначительно посмотрела на меня. – Потому что *так это и делается*.

– А каким он был, – поинтересовалась я, – твой жених? Ты никогда мне о нем не рассказывала.

Дженни на мгновение задумчиво приподняла бровь и посмотрела куда-то вдаль, но тут же спохватилась, хитро улыбнулась и пригрозила пальцем.

– Ах, ладно тебе, Эбигейл. Мы же говорим о тебе.

– О чем тут говорить?! Я отправляюсь на задание. Грязь. Кости. Трупы. Злодеи. Вряд ли Чарли думает о чем-то еще. Если бы он захотел поцеловать меня на прощанье, я, конечно, была бы не против. А теперь… я… в общем, это сложно…

Я смутилась, и у меня снова запылали щеки. Мне захотелось перевести разговор на другую тему.

– Попытка не пытка. Нельзя же всю жизнь прожить, не воспользовавшись ни единым шансом, – покачала головой Дженни.

– Тебе-то легко говорить. Тебе, может быть, это кажется пустяками, а ведь передо мной еще вся жизнь, которую я могу испортить.

Дженни замолкла, взор ее потух, и я поняла, что переступила черту.

– Дженни, я не хотела… – начала было я, но призрачная девушка уже растворялась в воздухе. Через мгновение она и вовсе исчезла.

– Прости, – прошептала я уже пустой комнате.

Глава девятая

Когда я, тяжело ступая, спустилась вниз, Джекаби находился у себя в кабинете. Его пальто висело на спинке стула, а на столе лежал отстегнутый съемный воротничок от рубашки. Это была сильно накрахмаленная деталь туалета, предназначенная, скорее всего, для официального одеяния, но один ее край был уже сильно помят, а второй уголок – постоянно загнут, словно у Гамлета, произносящего свой знаменитый монолог. Сам же Джекаби возился с иголкой и мотком грубой металлической нити на катушке.

– Мистер Джекаби, – обратилась я к нему.

– Пришла телеграмма от Баркера, – отозвался он, не поднимая головы.

По крайней мере, было похоже, что он на меня больше не злится.

– Завтра утром мы отправляемся первым же поездом и встречаемся с ним, – продолжил мой начальник. – Поезд отправляется в половине седьмого, так что лучше подготовиться к поездке сегодня вечером.

Нитка наконец-то прошла в ушко иголки, и Джекаби отмотал изрядное ее количество, перед тем как оторвать от катушки.

– Хорошо, буду готова, – пообещала я. – А чем вы заняты?

Джекаби принялся прошивать нитью плотную ткань воротничка.

– Делаю серебряную подкладку для шеи. Я уже взял на себя смелость осыпать вашу дорожную шляпу горчичным семенем. Можете не благодарить.

– Очень любезно с вашей стороны, сэр. Могу я спросить, зачем?

– Меры предосторожности с отворотным действием. Мне показалось благоразумным заранее снабдить нас широким спектром защитных средств. Впрочем, у меня закончился чеснок. После полудня мне нужно будет сбегать за ним на рынок.

– Значит, это все-таки вампиры. – Произносить это слово вслух было одновременно немного нелепо и жутко.

– Конечно, утверждать наверняка нельзя. Возможно, нам придется иметь дело с южноамериканским чончоном или асуаном с Филиппин. Не стоит также исключать коварного демона-сверчка из Малайзии, который прогрызает в головах своих жертв отверстия, вызывая галлюцинации о котах. Я бы поставил на него, не знай я, что в случае с миссис Бомон дело обстоит несколько сложнее и что животное у нее было самое что ни на есть настоящее, хотя и не принадлежащее к семейству кошачьих. Но я на всякий случай изготовил амулет и от этих маленьких паразитов. Осторожность никогда не помешает.

Он закончил вышивать кривую линию вдоль внутренней поверхности воротничка и завязал нитку узлом.

– Итак, что вы хотели?

– Ну… я хотела поговорить с вами о Дженни, прежде чем мы отправимся в путь. Чуть ранее она казалась… расстроенной. Сожалею, но, похоже, мне не слишком удалось исправить ситуацию.

– Это, наверное, из-за перчаток, – небрежно сказал Джекаби, убирая катушку в ящик стола.

– Да, она говорила о том, что у нее пропали перчатки. Вы случайно не знаете, куда они могли подеваться?

– Знаю. Это я их взял.

– Зачем они вам? Вы же прекрасно понимаете, как они важны для нее.

– Хочу доказать свою правоту.

– А не могли бы вы доказать это каким-нибудь другим способом? Ее действительно не на шутку расстроила их пропажа… а также, возможно, огорчили кое-какие мои слова. Я могу

отнести их сама, если вам угодно. Было бы приятно хоть чем-то утешить ее. Я попыталась обрадовать ее цветами, но, похоже, одними асфоделями тут не поможешь.

Джекаби поморщился и процедил сквозь зубы:

– Не кажется ли вам, что ваш ботанический выбор несколько мрачноват?

– Мрачноват? Почему?

– Асфодели? – Он посмотрел на меня и покачал головой. – И чему вас только учат в этих ваших школах? Асфодель – это символ траура, утраты и, что самое важное, смерти. Древние греки верили, что в загробном мире произрастают целые поля этих цветов. Злодеи попадают в Тартар, великие герои – в Элизий, а всех остальных ожидают только асфодели. Заурядные души вынуждены вечно тенями порхать среди цветов. Я полагаю, что они довольно красивы по-своему, но, учитывая текущее состояние мисс Кавано, вряд ли это послужит ей большим утешением.

Я вздохнула. Раз уж сам Джекаби вздумал давать мне советы по поводу такта, то день точно не задался.

– Просто дайте ей немного времени, – сказал Джекаби, возвращая воротник на место и неуклюже пытаясь его пристегнуть. – Дух Дженни сильнее, чем вы думаете. Раз уж она пережила собственную смерть, то переживет и вашу оплошность. Не поможете мне?

Джекаби бросил мне металлическую запонку, которой я прикрепила воротничок к рубашке.

– Вот и славно. Я отправляюсь на рынок, – сказал он, поднимая свое объемное пальто со спинки стула. – Мне нужно приобрести кое-что особенное, так что я могу вернуться поздно. Постарайтесь в мое отсутствие больше не обижать никого из обитателей этого дома, ладно? Внешне Дуглас любит храбриться, но в душе он очень раним.

После ухода Джекаби я поднялась наверх и подошла к спальне Дженни, но призрачной девушки нигде не было. Пруд тоже пустовал: Дуглас, по всей видимости, отправился куда-то по своим утиным делам. Со вздохом я поплелась к своему рабочему столу в прихожей. С книжной полки раздалось кваканье, я повернулась и посмотрела на серо-зеленую лягушку.

– Ну что ж, Огден, хотя бы ты снизошел до меня.

Мой земноводный собеседник ответил тем, что надул горло и выпустил в мою сторону облачко едкого газа.

– О боже! – воскликнула я, задыхаясь и подбегая к окну. – Неужели это было так необходимо?

Я спешно покинула первый этаж, окончательно сдавшись и решив как можно быстрее закончить этот неприятный день. «Завтра будет лучше, гораздо лучше», – пообещала я себе.

Глава десятая

Из объятий сна меня бесцеремонно вырвал оглушительный треск, внезапно раздавшийся в моей комнате. Вскочив с кровати, я сжала уши руками и завертела головой, непонимающе озираясь по сторонам.

– Вот и славно. Вы проснулись, – сказал Джекаби.

Шум исчез.

– Что? – Я откинула волосы с лица и присмотрелась к тому, что происходило в комнате.

Джекаби зажег лампу на ночном столике, и в ее мягком свете я увидела, что он держит в руках простую деревянную трещотку с короткой ручкой.

– Пять часов! – провозгласил шеф. – Через час мы должны быть на станции. Вперед, навстречу новому яркому дню, мисс Рук! Вообще-то, сейчас еще темно, но рассвет близится.

– Ах да, – пробормотала я. В ушах у меня до сих пор немного звенело. – Вы что, будили меня с помощью полицейской трещотки? Должно быть, вы подняли на ноги всех жителей двух соседних кварталов.

– Полицейской трещотки? Нет, это гроггер – древний иудейский инструмент. С его помощью устраивают оглушающий шум во время особых чтений на праздник Пурим. Очаровательно, не правда ли? Какой забавный обычай.

– Могли бы просто постучать.

– Культурные традиции вас не интересуют, как я погляжу. Ну ладно, вставайте. У нас много дел.

Джекаби вышел из комнаты, и я услышала, как он беззаботно топает по ступенькам винтовой лестницы.

Встав и потянувшись, я раздвинула занавески и посмотрела на город. Над ним еще сверкали звезды, но небо уже окрасилось в тот пурпурно-розоватый оттенок, который предшествует заре. Несмотря на предрассветную тишину, город продолжал подавать кое-какие признаки обычной хлопотливой жизни. По Рыночной улице промчалась пара мальчишек, разносчиков газет, с пухлыми свертками под мышками, а в здании финансового учреждения напротив открывал двери пожилой привратник. Чуть дальше вверх по улице, на перекрестке, словно поджидая кого-то, стоял невысокий плотный мужчина.

По спине пробежали мурашки, и я всмотрелась в него пристальнее. Облачен он был в темное пальто и шляпу, заметно контрастирующие с его бледной кожей, но что-то еще в его внешности казалось немного тревожащим. Возможно, у меня просто разыгралось воображение – с такого расстояния утверждать наверняка было нельзя, – но он как будто смотрел прямо на меня. От моего дыхания стекло запотело, и когда я протерла его, чтобы разглядеть незнакомца получше, тот уже исчез.

Я моргнула и посмотрела вниз по улице, но бледного мужчины не было и там. После убийства на Кэмпбелл-стрит и разговоров с Джекаби о кровососущих призраках я вдруг испытала благодарность судьбе за то, что оказалась в единственном на весь город доме, защищенном обрядами и различными амулетами едва ли не лучше Ватикана, хотя меня так и не покидало чувство, что за мной наблюдают. Наверное, перед отъездом все же стоит рассказать Джекаби о таинственном незнакомце.

Как оказалось, Дженни выложила на старом дубовом сундуке у моей кровати кое-что из своей старой одежды. Во многих отношениях она стала мне чем-то вроде старшей сестры, которой у меня никогда не было, и она до сих пор присматривала за мной, несмотря на мою бестактность. Я с облегчением подумала о том, что неловкость от событий вчерашнего дня осталась в прошлом, но, увидев проявления ее доброты, ощутила себя еще более виноватой

перед ней и решила загладить свою вину перед отъездом. Я выбрала одно простое платье с высоким подолом, подходящее для поездки, а остальные уложила в чемодан.

Дверь в спальню Дженни была приоткрыта и, когда я постучала, немного подалась внутрь.

– Дженни!

Внутри было сумрачно и тихо.

– Если ты здесь, я хотела бы поблагодарить тебя и извиниться за вчерашнее.

Я стояла в дверном проеме, ощущая себя глупо и нелепо. Отсюда хорошо была видна ваза со скорбно поникшими асфоделями. Глубоко вдохнув и стараясь ступать как можно тише, я подошла к столику и поправила цветы так, чтобы спереди красовались яркие звездочки паслена. Это был бессмысленный жест, но в моих уроках этикета ничего не говорилось о том, что делать, если ты случайно рассердил умершего. Наверное, стоит вообще убрать букет, пока Дженни не вернулась.

– Вам нельзя здесь находиться!

Раздавшийся позади меня громкий, но слегка испуганный голос сопроводил резкий порыв холода. Это было совершенно неожиданно – как будто мне за шиворот плеснули холодной воды. Я вздрогнула и обернулась, опрокинув при этом букет со столика. Ваза сделала быстрый пируэт в полете и раскололась о пол, раскидав цветы и расплескав воду по половицам. Дженни растерянно уставилась своими аспидно-серыми глазами на темную кособокую лужу.

– Ах, мне так жаль! – Я в ужасе опустилась на колени и как можно быстрее принялась собирать осколки фарфора. – Извини. Мне очень жаль. Я сейчас все приберу.

– Нет! – настоятельно и словно издалека воскликнула Дженни.

Я замерла на месте и подняла голову. Она взволнованно взирала на меня и на разбитую вазу, но при этом одновременно каким-то причудливым образом смотрела прочь, на дверь. Я прищурилась, вглядываясь в двойное изображение.

– Нет! – повторила она. – Вам нельзя здесь находиться!

– Дженни! – Положив осколки на пол, я медленно поднялась. – Дженни, все хорошо.

– Я знаю, кто вы.

Холодный голос Дженни дрожал, как и сам ее облик, так что мне трудно было сосредоточиться на ее двойном очертании.

– Да, это я, твоя… – начала было я, но Дженни продолжила, словно не слышала меня.

– Вы работаете с моим женихом.

– Я… что делаю? Нет, я работаю здесь, с…

– Вам нельзя здесь находиться!

Лужица у моих ног стала покрываться корочкой льда, в комнате еще сильнее похолодало, и под порывом холодного ветра стебель асфодели прокатился по полу как по ледяному катку.

– Дженни, ты меня пугаешь.

– Вам нельзя здесь находиться!

Порыв ветра превратился в шквал, в котором бешено затрепетали занавески на окнах. С почти безупречной кровати Дженни слетело одеяло, дверцы шкафа резко отворились и тут же с грохотом захлопнулись. Этот звук пробудил во мне какие-то первобытные инстинкты, и я, не успев опомниться, пулей вылетела в коридор. Обернувшись, я увидела, что в спальне вновь стало тихо, а Дженни уселась на пол. Одна часть ее с заметным сожалением осматривалась по сторонам, а вторая склонилась над разбитой вазой, протянув свои изящные пальцы к разбросанным веточкам паслена. Ее серебристая рука прошла сквозь лиловые бутоны словно пар, и она снова воскликнула: «Нет!». В это же мгновение дверь в спальню захлопнулась с громким стуком, похожим на пушечный выстрел.

Глава одиннадцатая

Я постучалась и попросила разрешения войти, но в спальне Дженни стояла гробовая тишина, а дверь не шевелилась. У меня было такое чувство, как будто меня ударили. Хотелось плакать. Сделав глубокий вдох, я взяла чемодан и, собрав все остатки мужества, зашагала вниз по винтовой лестнице.

Джекаби я нашла в его кабинете по звукам доносившихся оттуда шагов. Он разбирал корзину, наполненную всякой всячиной. Кое-что из этих вещей он складывал в походную сумку, а остальное кучей оставлял на столе. Рядом с кучей лежала деревянная трещотка, в воздухе пахло чесноком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.